DOI: 10.24833/2541-8831-2019-1-9-173-184

МОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХИТРОУМИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С.М. Воронец

Аннотация. *В статье рассматривается становление и развитие мотива человеческого хитроумия в средневековой литературе. Мотив хитроумия выбран не случайно. Впервые мотив человеческого хитроумия как таковой появился в итальянской новеллистике в эпоху Возрождения, но его корни уходят к устному народному рассказу. В городской среде очень любили острый анекдот о находчивом и знающем себе цену горожанине или бойкой и сметливой горожанке, которые дурачат кичливого рыцаря, сластолюбивого священника или монаха.*

Такие рассказы ярко и выразительно изображали типичные события повседневной жизни городов и вызывали острый интерес среди горожан. А жизнь итальянских городов была бурной и многообразной, она изобиловала всякого рода событиями и происшествиями. На закате Средневековья шло формирование новых социальных групп, которые включались в политическую борьбу, оспаривая власть у аристократов. На межличностном уровне начиналось постепенное размывание понятийных границ благородства. Формировалась новая система представлений о предназначении и роли человека. Но знатности происхождения было необходимо противопоставить какое-либо качество простого человека, которое бы его отличало и характеризовало. Качество, которое было бы сопоставимо со званиями и титулами. Этим качеством станет хитроумие.

Но понятийное наполнение хитроумия произойдёт не сразу. Сначала в литературе будет грубый смех, балаганные выходки на грани с издёвкой. Своего полного развития мотив хитроумия достигнет в новелле эпохи Возрождения, когда будет окончательно сформирован образ человека новой эпохи, совсем не похожего на образ средневекового человека. Тогда хитроумие, сообразительность и находчивость будут цениться больше званий и титулов. Проследив развитие мотива человеческого хитроумия в средневековой литературе, можно понять, как формировался человек эпохи Возрождения.

Ключевые слова: литература Средних веков, городской рассказ, фаблио, мотив хитроумие, жанр новеллы, новеллистика.

Впервые мотив человеческого хитроумия как таковой появился в итальянской новеллистике в эпоху Возрождения, но его корни уходят к устному народному рассказу, в первую очередь, анекдотам и фацециям (лат. facetia – шутка, острота). В городской среде очень любили острый анекдот о находчивом и знающем себе цену горожанине или бойкой и сметливой горожанке, которые дурачат кичливого и незадачливого рыцаря, сластолюбивого приходского священника или нищенствующего монаха. Обычно шутили над представителями феодального сословия и клириками. В XIV в., в связи с переездом папского двора в Авиньон (1309 г.), а также резким упадком в глазах народа престижа католической церкви и монашествующих орденов, получили распространение небольшие фацеции антиклерикального характера. Героями анекдотов и фацеций становятся простые горожане. Происходит размывание понятийных границ благородства – оно больше не является атрибутом происхождения. Такие качества, как остроумие, сообразительность и находчивость ценятся теперь больше званий и титулов[1].

Развитие мотива хитроумия уместно рассматривать вместе со становлением жанра новеллы, так как его корни следует искать там же, где и корни европейской новеллы. А своего полного раскрытия мотив хитроумия достиг в эпоху Возрождения.

Жанр новеллистики возник не на пустом месте. Своим происхождением он обязан разным видам устного рассказа (анекдотам и фацециям), а также итальянская новелла черпала темы и образы из фольклора как прошлых веков, так и повседневно создаваемого. От традиций устного рассказа идёт лаконизм повествования, занимательность новеллы, острота и эффективность неожиданной развязки. Темы и образы, которые пользовались наибольшей популярностью, постоянно варьировались на протяжении веков.

Немало легенд и рассказов было сложено о великом итальянском поэте-изгнаннике Данте, о великом живописце Джотто, о поэте и философе Гвидо Кавальканти, о знаменитых шутах (Гонелла, Дольчибене, Риби). Эти персонажи, как люди образованные и творчески одарённые, наделялись хитроумием и находчивостью, им приписывались остроумные ответы, они легко находили выход из любой сложной ситуации. Впоследствии их образы перешли из фольклора в новеллу, встречаясь то в одном сборнике новелл, то в другом.

Анекдоты и фацеции сообщали новелле злободневный характер, способность откликаться на текущие события и затрагивать острые проблемы повседневной жизни. Само название жанра указывает на самую главную его отличительную черту (слово «*novella*» *по-итальянски значит новость*). Новелла непосредственно изображала типичные события повседневной жизни, вызывавшие острый интерес среди горожан. А жизнь итальянских городов была бурной и многообразной, она изобиловала всякого рода событиями и происшествиями: шло формирование новых социальных групп (*il popolo grasso*), которые включались в политическую борьбу, оспаривая власть у аристократов[2]. К концу XIII в. эта борьба завершится победой «новых людей» (*la gente nuova*).

Но ломка старого мировоззрения и морали порождала порой острые конфликты в быту: столкновения между «жирным» и «тощим» народом происхо-

[1] О том, что благородство возвышает человека больше, чем происхождение, и что благородство подтверждается делами, писали ещё Данте и Петрарка. Так, Данте в трактате «Пир» говорит: «*Подлый человек может когда-либо сделаться благородным через поступок, им совершённый, или как-нибудь случайно у подлого отца может оказаться благородный сын*» [Данте, 1968: 234].

[2] Борьба за политическую власть гвельфов и гибеллинов – двух остро враждовавших между собой политических партий: дворянская партия (гибеллины), боровшаяся за объединение страны под иноземной властью германского императора и торгово-ремесленная партия (гвельфы) – сторонница национальной власти во главе с папой.

дили постоянно[3]. Именно в этот период возникает необходимость в хитроумии, которое является новым качеством человека, совсем не похожим на привычные образы средневековой литературы. Конечно, во многих средневековых трактатах можно было встретить мотив мудрого ответа. Такой ответ приписывался, в основном, мудрецу или святому и приводился с назидательной целью, он не был связан с хитроумием и находчивостью как таковым.

С приходом нового времени, с переосмыслением образа жизни, с возникновением новых взглядов на человека появляется необходимость проявления литературными героями хитроумия. Оно находит своё выражение в остроумных ответах, которые герои используют в различных ситуациях: для защиты себя, своего имущества; для своего оправдания; для обычной шутки и для своеобразной декларации прав человека вообще. Новой реальности соответствует и новый язык: в рассказах о хитроумии и остроумных ответах используется образный, живой, разговорный язык, богатый пословицами, поговорками, крылатыми словами и выражениями[4].

Рождающаяся европейская новелла опирается сразу на несколько средневековых нарративных жанров, «одалживая» свои сюжеты у романов, трактатов и и.д. В отличие от романов, которые были длинными, существовало несколько сравнительно кратких повествовательных жанров. Это фаблио, жизнеописания трубадуров и комментарии к их стихам (так называемые *vidas* и *razos*), жития святых и *exempla*[5]. Для подобной литературы феодального общества характерны традиционные сюжеты, которые варьируются в соответствии с меняющимися идеологическими потребностями и вкусами общества.

В области рыцарской литературы ведущая роль принадлежала Франции, именно здесь возникли её наиболее яркие и значительные образцы. Из Франции куртуазные романы, как жанр, проникают в рыцарскую литературу других стран, сохраняя при этом свои классические сюжеты. Литературное взаимодействие имеет в основном характер переводов, но переводов творческих, приспособленных к местным литературным традициям. Куртуазно-рыцарская литература и её влияние на становление жанра новеллы в данной работе не рассматриваются, так как в них не встречается проявление человеком хитроумия и находчивости.

Придётся обойти молчанием и некоторые книги "новеллистической" ориентации, в которых нашёл свое литературное отражение эпический материал Прованса и в которых содержались отдельные элементы новеллы[6]. В подобных сборниках также почти не уделяется внимание теме

---

[3] Например, восстание чомпи во Флоренции в 1378 г.

[4] Данте в трактате «О народном красноречии» делит язык на народную речь, то есть «*речь, которую мы воспринимаем, подражая кормилице*», и речь, «*которую римляне называют грамотной*» – латинский язык. Народную речь Данте ставит выше латинского языка: «*Знатнее из этих двух речей народная потому, что она для нас естественная, тогда как вторая речь скорее искусственная*» [Данте, 1968: 279]. Также Боккаччо во Вступлении к IV дню "Декамерона" говорит, что его новеллы «*написаны в прозе, народным флорентийским языком, слогом, по возможности, простым и незатейливым*» [Боккаччо, 1970:14].

[5] Exempla (*лат. exemplum - пример*) – жанр средневековой латинской литературы с ярко выраженной дидактической функцией. Возник как сборник примеров для украшения проповеди или рассуждений и восходит к ораторской литературе.

[6] Речь идёт о следующих сборниках, созданных в Италии в XIII – XIV вв.: 1) нравоучительные сочинения Франческо да Барберино и его утраченные Fiore di novelle¬, а также Documenti d'Amore и Reggimento delle donne; 2) рассеянные "Цветы и жития философов и прочих мудрецов и императоров" (Fiore di Filosofi). Сборник содержит сведения о жизни знаменитых людей и о их мудрых речениях. Читатель, открывая эту книгу, становится учёнее; 3) «Сказания о стародавних рыцарях» (*Conti di antichi Cavalieri*) – сборник рассказов о мифологических и исторических персонажах античности и средневековья, созданный во второй половине XIII в. Читатель знакомится здесь с образцами разумного правления, истинной доблести и рыцарской щедрости. Прочитав эту книгу, он возвышается духом; 4) перевод "Исторического зерцала" Винцента из Бове, выполненный во второй половине XIII в.

ума и хитрости. В некоторых из них, как, например, в «Деяниях римлян» (*"Gesta Romanorum"*), можно найти рассказы о мудрости, которая обычно выступает в виде остроумных ответов и высказываний. Но таких рассказов сравнительно мало.

Мотив хитроумия можно встретить и в *exempla* (*примерах*). Это небольшой рассказ, вставленный в проповедь или в любой другой назидательный трактат для его оживления, для большего убеждения слушателей, а также для некоторого их развлечения. В Средние века составлялись огромные сборники примеров, иногда вместе с проповедями, иногда отдельно. В итоге получались своеобразные хрестоматии для духовенства.

Пример может быть рассказом, то есть может быть нарративен, этому не препятствуют ни его собственная природа, ни законы проповеди. Примеры имеют дидактическую направленность, обычно выражаемую в особой морали, которая соотносится с ситуацией и моделируется в основном тексте. Индивидуальность персонажей не имеет никакого значения, ситуация анализируется в свете оппозиций простейших абстрактных свойств и качеств человека. В примерах, как и в анекдотах, моделирование ситуации происходит вокруг одного острого слова (анекдоты) или морали (примеры).

Среди примеров встречаются рассказы о чудесах святых, притчи о животных, поучительные истории, происходившие в жизни простых людей, а также случаи проявления человеческой мудрости и находчивости. Например, один человек уехал в путешествие и отдал золото на хранение другу. Друг же оказался мошенником, и золото не вернул. Обманутому человеку помог мудрец, который с помощью хитрости заставил обманщика вернуть золото [Battaglia, 1965:447].

Большое внимание следует уделить городской литературе, содержание которой диаметрально противоположно куртуазно-рыцарскому содержанию. «*Городская литература вырастает на почве специфических для города культурных интересов, их обслуживает и формирует. Но не всегда ясно, что представляют собой эти интересы (поскольку их специфика только зарождается)*» [Иванов, 1997:247]. Здесь торжествует здравый смысл и рассудительность, изображается обыденная жизнь, образы взяты из всех без исключения слоев общества, в основном, из крестьянства и городских низов. Всё, что в рыцарской литературе затушёвывается, здесь вырывается наружу с вызывающей откровенностью. Главным пафосом городской литературы является борьба, а ведущим жанром – сатира.

Во Франции, которой принадлежит ведущая роль в области как рыцарской, так и городской литературы, возникают сатирические и даже пародийные и комические жанры. В итальянской литературе ничего подобного не наблюдается, ничего похожего на «Роман о Лисе» или на фаблио здесь не было известно. В Италии происходила борьба со старыми феодальными порядками: синьоров переселили в город, раскрепостили их крестьян, и, в конце концов, лишили их сословных прав. Но в литературе эта борьба и классовая ненависть отражения не нашла. Комические жанры получили распространение только в поэзии. В итальянской городской литературе получили большое распространение хроники, которые полностью отвечали нуждам и интересам города. Их также можно рассматривать как исторические и литературные предпосылки появления новелл как жанра[7].

Одним из излюбленных жанров городской литературы во Франции явля-

[7] Еще в конце XII в. во Флоренции, бывшей на протяжении многих столетий культурным центром Италии, стали создаваться письменные хроники о событиях, имевших место и заслуживающих того, чтобы их можно было считать актуальными и в чём-то поучительными. Например, «Хроника событий, случившихся в соответствующее время» (*"Cronaca delle occorenti né tempi suoi"*), в которых хронист Дино Кампаньи, современник и друг Данте Алигьери, разъяснял события и явления, исходя из средневековых традиций и упорядочивая их в соответствии со схоластическими принципами. Другой хро-

ются фаблио (*лат. fabula – рассказ*). Они оказали значительное влияние на последующую французскую и европейскую литературу. Фаблио можно охарактеризовать как средневековые европейские предновеллы. Они предшествовали классической форме новеллы, сложившейся в эпоху Возрождения и дали материал для некоторых новелл Боккаччо и других новеллистов. Фаблио – это небольшие стихотворные рассказы о забавных или нелепых происшествиях из обыденной жизни, долженствующие вызывать смех.

Характер смеха в фаблио бывает различным. Простейший вид смеха сводится к анекдоту или к комической ситуации. Всё это фольклорная традиция, которая не исключает использование книжных источников, главным образом примеров. Вторую группу образуют фаблио, где рассказывается о расчётливости, смекалке, ловкости рук, остром уме горожанина. Фаблио третьей группы разоблачают определённые пороки, свойственные разным слоям и кругам общества. Это уже подлинная социальная сатира, обличающая жадность, скупость и чревоугодие зажиточных горожан, порочность и лицемерие священников.

Некоторые фаблио рассказывают о находчивости, проявленной героями в необычных ситуациях. В основном это проделки жён, которые изменяют своим мужьям со священниками. Причём последние осуждаются, так как фаблио не знает компромисса, монах может быть либо святым, либо порочным, и при этом жестоко осмеянным (карикатура на монаха). Только гуманисты не станут попрекать монаха плотью, в средневековых фаблио это ещё невозможно. Так же, как и в фольклорных анекдотах, в фаблио имеются повествования о глупцах и плутах, одурачивших простаков. Для достижения своих целей они прибегают к хитроумию. Например, бедные братья хитростью обирают богатого соседа или жена съела куропаток, приготовленных для мужа, и ловко выкручивается из сложной ситуации[8].

Часто плутовство переходит в шутовство. Так, клирик делает вид, что подает милостыню трём слепцам, слепцы пируют, так как каждый думает, что монета у другого – возникает ссора. В этом случае клирик ничего не выгадывает, он только потешается над слепцами. Рассказывается и о других проделках, похождениях и даже соперничестве плутов.

Много фаблио посвящено хитроумию, проявляемому их героями. С помощью хитроумия персонажи либо добиваются своего, либо защищаются перед лицом опасности. Например, муж уличает жену в измене и выгоняет её из дома, женщине удаётся одурачить мужа, она уверяет его, что ему всё показалось, так с помощью хитрости жена возвращается домой. В другом рассказе горожанке из Орлеана удаётся ловко обмануть мужа, запереть его на чердаке на всю ночь, а самой тем временем развлекаться с любовником. В другом аналогичном сюжете дама с помощью хитроумия избегает опасности, ловко обманывает мужа, которого заставляет подарить своему любовнику сокола. Много рассказов и на церковную тему: священник хитростью избавляется от наказания – ему удаётся ловко вручить деньги епископу, которого он уверяет, что эти деньги якобы завещаны епископу ослом. В ещё одном сюжете виллан хитростью и изворотливостью добивается рая, ему удаётся переспорить святых, которые не хотели пускать простого виллана в рай.

Как видно из приведенных выше примеров, хитроумие часто приписывается женщине, особенно в рассказах о том, как хитроумные жены одурачили своих му-

нист, Джованни Виллани, следует в своих хрониках манере традиционных исторических описаний, начиная от Библии и доходя до современности через легенды. В хрониках Виллани давались иногда практические советы, и даже рецепты отделки сапфира, серпентина и других ценных материалов, на это указывает Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях знаменитых живописцев».

[8] Здесь и далее фаблио цитируются по изданию Фаблио. Старофранцузские новеллы / Пер. со старофранцузского С. Вышеславской и В. Дынник. М.: Художественная литература, 1971. 344 с.

жей, причём женщины часто торжествуют над обманутыми мужьями. Но хитроумие, проявленное жёнами, не одобряется, а, наоборот, объясняются извечной порочностью женщин. В фаблио об изменах жён сюжетная схема примерно одинакова – муж, жена, похотливый священник (монах). Героини проявляют некое хитроумие, чтобы ловко обмануть мужа, но проявление такого хитроумия блекло и невзрачно, как блеклы и невзрачны сами персонажи. Фаблио скупо характеризует своих героев, никак не объясняет причин их поступков. Интерес фаблио исчерпывается самим комизмом ситуации.

Смех в фаблио груб, он вызван балаганной шуткой, шутники не знают меры. Так, в фаблио об Аристотеле хитроумная девушка ловко высмеивает старого учёного. Она мстит за то, что Аристотель хотел её разлучить с любовником. Девушка садится на старика верхом и заставляет его бегать по лугу как лошадь. Эта выходка вызывает хохот как у самой девушки, так и у её любовника. Мотив хитроумия в фаблио только обозначается в общих чертах, он не находит здесь своего полного развития. Читателю только сообщается, что хитроумием наделён тот или иной персонаж, а дальше описываются его проделка или забавная выходка. Фаблио мало сообщают читателю о самом герое, о том, на что направлено хитроумие и чем оно вызвано. Здесь нет индивида с ярко выраженным характером, со своими чувствами и переживаниями. Следовательно, и мотив хитроумия, который тесно связан с человеком, выражен здесь слабо, неярко, скупо. Он – лишь сюжетная пружина, благодаря которой и движется все повествование.

Разные книги «новеллистической» ориентации предшествовали в истории ранней итальянской прозы сборнику итальянских новелл «Новеллино, или сто древних новелл» (*Le cento novelle antiche, o libro di novelle e di bel parlar gentile detto anche Novellino*), составленному на грани XIII и XIV вв. Это сборник «*цветов изящной речи, ответов учтивых иль остроумных, примеров щедрости и отваги, которые являли в прошедшие времена достойные люди*» [Новеллино, 1984:9]. Он включает в себя собственно не рассказы, а небольшие наброски и заметки[9].

Франческо де Санктис пишет, что «Новеллино» по праву называли «цветком изящной речи», и, на самом деле, она написана на редкость изящным, правильным языком [De Sanctis, 1994:115]. Сам автор «Цветов изящной речи» пытается в прологе оправдать свой язык: «*Если эти цветы смешаны со словами не столь прекрасными, не сердитесь, ведь чернением золото лучше оттеняется*» [Новеллино, 1984:10].

Трудно поверить, что эта книга была создана в XIII в. Хотя язык сборника гораздо правильнее и современнее «Сказаний о стародавних рыцарях» и романов того времени, все эти произведения написаны одинаково сухо. События излагаются в общих чертах, без указания сопутствующих обстоятельств и деталей, которые украсили бы повествование, без описания впечатлений и чувств, которые бы придали ему интерес. Подача такого лаконично и просто изложенного факта не требует особого искусства. Эффект достигается за счёт простоты и сдержанности.

Тематика «Новеллино» весьма разнообразна: в нём встречаются анекдоты и рассказы из средневековых «примеров», житий святых, хроник, а также из средневековых французских повестей (лэ), рыцарских романов, фаблио и сборников басен, восточные легенды. Обращаясь к различным источникам, автор «Новеллино» берёт из них анекдот, который и передаёт в сухой, повествовательной форме. В сборнике нет рассказов о хитроумии как таковом, зато уделяется большое внимание и посвящено много рассказов мудрому решению.

Часто за решением какой-нибудь проблемы обращаются к мудрецу – «*мере всех существующих вещей*». Мудрость и

[9] Здесь и далее сборник цитируется по изданию Новеллино / Пер. с итал. М.Л. Андреева. Отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 318 с.

мудрое слово ценятся в сборнике очень высоко. Например, в одном из рассказов мудрый еврей выпутывается из ловушки, подстроенной ему султаном, задумавшим поживиться за счёт еврея. Султан задаёт еврею коварный вопрос, чья вера лучше. Если еврей ответит, что лучше иудейская, его можно будет обвинить в святотатстве с последующей конфискацией имущества, а если он назовёт лучшей мусульманскую, то окажется повинным и двуличии, что тоже влечёт за собой конфискацию. Еврей отвечает притчей о кольцах: жил некий отец, имевший трёх сыновей и всего одно кольцо, которое все сыновья мечтали получить в наследство. Тогда он велел изготовить ещё два точно таких же кольца и вручил их сыновьям. Все остались довольны, считая, что владеют подлинным кольцом, а правду знает один отец. Так и с верованиями: какая из них наилучшая известно только богу. Султану ответить нечего – конфискация не состоялась (LXXIII)[10].

Известные сюжеты о мудреце, который разрешает спор между поваром и бедным сарацином мудрыми словами, что за пар следует платить звоном монет (VIII), или о том, как один паломник отдал деньги на хранение другу и никак не мог получить их назад. Друг придирался к словам уговора и денег не возвращал. Мудрый судья синьории помогает обманутому человеку вернуть свои деньги, он обращает уговор против обманщика (IX). В качестве примера можно привести и рассказ о том, как мудрый грек догадывается по поступкам царя о его низменном происхождении. Царь гневается и сажает мудреца в темницу, но когда слышит мудрые речи грека и окончательно убеждается в его премудрости, «*стыдится своей скупости и выпускает грека из темницы, щедро его одарив*» (II).

В другой новелле совет монаха своему брату, который собирался на войну: «*Будь храбрым и не страшись смерти, ибо так или иначе умрёшь*», несомненно, является мудрым (XXXIV). Мудрость заключается и в словах лисы – героя ещё одного рассказа: «*Не всякий, кто умеет читать, умён*» (XCIV). Из вышеперечисленных примеров видно, что мудрость в «Новеллино» ценится высоко, но совсем не связана с фольклорной хитростью и хитроумием. Она носит назидательный, дидактический характер. Центральное место в «Новеллино» принадлежит, однако, не мудрости, а остроумию.

Остроумие – это тоже своего рода мудрость, но последняя безнадёжно пасует там, где торжествует остроумие. В мудрости важнее всего содержание, в остроумии – выражение. Мудрость всегда остаётся мудростью, а для остроумия необходима подходящая ситуация, причём для каждого остроумия – своя ситуация. Остроумное слово ставится в заслугу человеку, но присуще оно не всем людям: «*Ведь многие люди, прожив долгую жизнь, только и могут похвастать, что одним метким словом*» [Новеллино, 1984:10]. Причём «культ остроумного слова» в сборнике достаточно многообразен. Целый цикл рассказов посвящён остроумному решению, ловкости и находчивости. Обычно в таких рассказах герои выкручиваются из сложной ситуации, отводят от себя опасность или защищают себя и своё имущество с помощью остроумного слова.

Герои здесь проявляют находчивость и хитроумие. Например, врач из Тулузы женится на племяннице архиепископа, а когда через два месяца после свадьбы жена рожает ему ребенка, возвращает её родителям. Архиепископу же, который хочет привлечь врача к суду, он остроумно заявляет, что не сможет прокормить такую большую семью. Он де думал, что у него будет рождаться по ребенку в год, а жену, которая рожает каждые два месяца, он прокормить не сможет, и поэтому он возвращает её, так как не хочет, чтобы племянники архиепископа жили в бедности (XLIX).

[10] Подобный сюжет встретится и в «Декамерона» Боккаччо (I, 3), но хитроумие героев получит уже совсем иную окраску. Если в «Новеллино» притча звучит как ловкий ответ, то у Боккаччо хитроумие выручает и перевоспитывает героев.

В другой новелле один человек с помощью острого слова пристыдил монаха, ему удаётся даже обернуть слова монаха против его же самого (XCI). Находчивым ответом хитрый священник, которого обвиняли в том, что он плохо следит за своей паствой из-за любви к женщинам, отводит от себя обвинения, уличив епископа в том же: «*Мессер, и меня ловили на том же. Но ведь кто бы мог поступить иначе?*» (LIV). Смекалка помогает торговцу, у которого обезьяны украли его товар, придумать, как поймать воришек и ещё неплохо заработать на этом (XCVIII).

Особенно ценятся в «Новеллино» остроумные ответы или остроумные высказывания как таковые. Целый ряд рассказов построен вокруг остроумного слова, которое призвано пристыдить виновного, восстановить справедливость. Мудрые решения и остроумные ответы приписываются автором «Новеллино» разным людям, в основном это мудрецы, мудрые и справедливые судьи или люди благородные и знатные. Но встречаются и рассказы, в которых рассказывается об остроумии простых горожан, купцов или монахов. Например, мессер Амари мудрыми словами пристыдил своего вассала, который тратил деньги без счёта: «*Кто тратит деньги без ума, того ждёт посох и сума*» (XXIV). Или другой сюжет, в котором муж дамы, любви которой добивался молодой и богатый рыцарь, ловко с помощью остроумного ответа осадил и пристыдил ухажёра: «*Устраивайте свои дела, но не расстраивайте дела другим*» (XLVII). Остроумной является и шутка монаха, что епископ согласен поменяться с ним желудком, но не саном (XXXIX).

Часто в «Новеллино» многие остроумные ответы приписываются жонглёрам (*лат. joculator – шутник, забавник*). Жонглёры нередко сопровождали трубадуров, кормились у них и получали часть подарков, которые выпадали на долю трубадуров. Но были и такие жонглёры, которые бродили из замка в замок, из города в город в одиночку или целыми толпами[11]. Местом встречи таких жонглёров были дворы королей и влиятельных синьоров, которые им покровительствовали: «*Есть над кем посмеяться, и есть кому над тобой посмеяться и тебя посрамить. Известная язва богачей!*» [Петрарка, 1981:31]. В «Новеллино» обычно рассказывается о профессиональных жонглёрах, то есть о людях, ремеслом которых является шутка, забава, весёлая проделка (LV). Так, жонглёр Марк Ломбардец, «*умнейший среди людей его ремесла*», даёт одному почётному, но заносчивому человеку остроумный ответ на его сложный и запутанный вопрос (LV).

В другом рассказе жонглёр Марк Ломбардец, который «*отличался благородством и мудростью*», отвечает на меткое слово ещё более метким словом и с достоинством выходит из щепетильной ситуации (XLIV). Ещё один жонглёр Бито легко обманывает скупого и недоверчивого горожанина, а затем выкручивается перед властями с помощью остроумного ответа. Горожанин не понимает шутки, и над ним смеётся вся округа. Таким образом Бито всех рассмешил. (XCVI). А жонглёр по имени Саладин остроумно отвечает рыцарям: «*Дурак каждого дурака считает умным, потому что сам дурак. Значит, если дураку кто-нибудь покажется дураком, то это и будет умный,*

[11] Вот как отзываются о жонглёрах средневековый историк XIII в.: «*Жонглёр – человек неблагопристойный; он проводит всю жизнь за игрой, в тавернах или местах ещё худших. Только он заполучит немного денег, так сразу же тащит их туда…. Жалко смотреть на него, оборванного, босого, без рубахи… Но, несмотря на это, он весел,…он непрерывно поёт и просит у Бога только одной вещи, – чтобы все дни недели превратились в воскресенья». «Дворы королей и других влиятельных особ – обыкновенное место встречи целой толпы скоморохов, которые приходили туда, чтобы урвать себе что-нибудь: золото, серебро, лошадей, одежду; они с намерением говорят забавные вещи, приправленные лестью. Чтобы понравиться наверняка, они подделываются под вкусы своих слушателей, без отдыха заливают их потоком самых необузданных и смешных любезностей, весёлых и безнравственных сказок. Мы видели влиятельных особ, которые едва поносив платье, ….отдавали его при первом появлении шутов*» [Иванов, 1997:29-30].

потому что ум противоположен глупости. Дуракам умные всегда кажутся глупыми; а умные видят, что дурак он и есть дурак» (XL).

В подобных рассказах остроумное своевременно сказанное слово резюмирует, как правило, развитие сюжета и является его смысловой кульминацией. Комизм таких рассказов – комизм чисто бытовой ситуации, действие подчиняется законам реальной жизни. Таким образом, место хитроумия занимает остроумие или бытовая хитрость, которую проявляют персонажи древних новелл. Смеются в «Новеллино» не только над остроумными ответами жонглёров, развеселить общество необычным и весёлым словом может и «*превосходно воспитанный*» рыцарь (LXXX).

Героем подобного рассказа является родовитый флорентиец Мильоре дельи Аббати (ок. 1215 – 1280). Известно также, что он был поэтом и подражателем трубадуров. Возможно, именно поэтому ему и приписывается остроумный ответ. Остроумным является и ответ-просьба провансальского рыцаря Гульельмо ди Бергедан дамам, которые собирались избить его палками: «*Пусть первой ударит меня самая распутная*». Естественно, ни одна из дам не захотела ударить рыцаря палкой, и таким образом он избежал расплаты (XLII).

Обычно в обществе к жонглёрам относились к некоторым пренебрежением: «*Любовь к скоморохам питается только суетой и непристойностями*» [Петрарка, 1981:31]. Считалось, что синьор волен обходиться с жонглёрами как хочет: может наградить его, может прогнать (XLIII). Не восхваляется жонглёр и в «Новеллино». Иногда он уступает в уме и мудрости рыцарям. Так, в сборнике рассказывается, что жонглёр помышляет только о золоте и серебре, в то время как удел рыцаря – воевать и управлять городами (III).

Иногда мудрее жонглёра оказывается простой слуга. Так, один жонглёр получил отставку от своего синьора. Синьор хотел наградить жонглёра и подарил ему пирог, в который предварительно положил деньги. Жонглёр не понял уловки и отдал пирог, потеряв таким образом деньги и не вернув расположение синьора (LXXIX). В другом рассказе один жонглёр за ужином затянул новеллу, конца которой не было видно. Слуга, прислуживавший за ужином, был голоден и ждал с нетерпением, когда он сможет освободиться и поесть, остроумным высказыванием заставляет жонглёра смутиться и прекратить рассказ (LXXXIX).

Как видно из вышеизложенных примеров, в «Новеллино» довольно много новелл «о цветах красноречия, ответах учтивых иль остроумных», но мало городских новелл и анекдотов на злобу дня. Характерный для фольклора интерес к глупости, плутовству или шутовству в сборнике почти отсутствует, за исключением двух рассказов. В одном лекарь рассказывает своим ученикам, что тот, кто съест баклажан, сходит с ума. Один ученик наедается до отвала баклажанами, а потом делает неприличный жест. Когда его призывают к ответу за хулиганство, он оправдывается тем, что он съел баклажан, а с безумного нельзя спрашивать (XXXV). В другом ученики в лавке ловко оставляют полуголым простака из деревни, который хотел купить себе жилет, а затем смеются над ним (XCV).

К рассказам о розыгрышах в Сборнике ста новелл можно причислить разве что один рассказ о том, как королева Изотта и Тристан разыгрывают роли и тем самым обманывают короля, мужа Изотты, который справедливо заподозрил их в любовной связи. Влюблённые избегают опасности «*благодаря мудрой уловке, к которой прибегли эти двое*» (LXV).

Для «Новеллино» характерен прямолинейный дидактизм. Трактовка отдельных поступков как проявление индивидуального поведения, вытекающего из душевных качеств и свойств характера персонажей, недопустима. Сюжет строится на столкновении абстрактных позиций – плохих и хороших поступков, добра и зла. Для индивида, который и является носителем хитроумия, здесь просто нет места, человек зависим от судьбы, он безволен и слаб. Он не нуждается в хитроумии, так как он не борется за свои

человеческие права, не отстаивает свою индивидуальность.

Почти всегда справедливость от обмана восстанавливает в «Новеллино» Божественное Провидение и Божий промысел. Так, торговец выручает большие деньги обманом, он продает вино в бочках с двойным дном: сверху и снизу было вино, а в середине – вода. Справедливость восстанавливает обезьяна, которая отнимает у торговца кошелек и бросает в море монеты. В конце концов, остаётся только половина монет, что торговцу и причиталось (XCVII).

Хитроумие в «Новеллино» носит чисто бытовой характер, оно тесно связано с ловкостью и хитростью, но за ним не стоит никакой перспективы, так как в сборнике нет места для индивида. Без развитого индивида, без героя, наделённого индивидуальными чертами, хитроумие просто не может существовать, не может стать самостоятельным элементом жизни. Иными словами, пока нет человека, нет и его характеристики. Следовательно, в «Новеллино» отсутствуют насмешки, шутки и порождения контраста. Целью древних новелл является передать в простом и красивом изложении мудрые речи и полные смысла истории и басни. Возможно, что именно отсутствие иронии доказывает раннее происхождение сборника.

В «Новеллино» хитроумие выступает также в форме остроумных ответов, которым посвящены отдельные рассказы и которые являются кульминацией сюжета. Остроумие тесно связано с ситуацией, в которой оно проявляется и на развитие которой оно влияет. Недаром остроумными ответами отмечены развязки многих новелл «Новеллино». Остроумное, своевременно сказанное слово резюмирует, как правило, развитие сюжета и является его смысловой кульминацией. Это пока ещё только схема будущей новеллы. Главным в ней является ситуация, а не персонаж. В персонаже же на первый план выдвигается его имя и положение, а не человеческие качества, что станет главным в последующих новеллах эпохи Возрождения, особенно в «Декамероне» Джованни Боккаччо.

Список литературы:

Алигьери Данте. Малые произведения. М.: Наука, 1968. 671 с.

Боккаччо Дж. Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. 726 с.

Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М.: Алетейа, 1997. 360 с.

История литературы Италии / Под ред. М.Л. Андреева, Р.И. Хлодовского. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 592 с.

Мелетинский Е.М. Заметки о средневековых жанрах, преимущественно повествовательных // Проблема жанра в литературе Средневековья. Выпуск 1, М.: Наследие, 1994. С. 7-26.

Новеллино / Пер. с итал. М.Л. Андреева. Отв. ред. Р.И. Хлодовский. М.: Наука, 1984. 318 с.

Петрарка Ф. Лекарства от превратностей судьбы. // Эстетика Ренессанса: Антология. М.: Искусство, 1981. С. 30-42.

Фаблио. Старофранцузские новеллы / Пер. со старофранцузского С. Вышеславской и В. Дынник. М.: Художественная литература, 1971. 344 с.

Battaglia S. L'esempio medioevale // La coscenza letteraria del Medioevo. Napoli, 1965, P. 447-486.

De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Torriana: Orsa Maggiore, 1994. 734 p.

Об авторе:

Воронец Светлана Михайловна – к.филол.н., доцент Кафедры романских языков МГИМО МИД РФ. Сфера научных интересов: романское языкознание, психолингвистика, педагогика, методика преподавания иностранных языков. Россия, 119454, Г. Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: svetlanissima@gmail.com.

THE MOTIVE OF HUMAN CUNNING IN MEDIEVAL LITERATURE

Svetlana M. Voronets

Abstracts.*The present article discusses the formation and development of the motif of human cunning in medieval literature. The motive of cunning is not chosen by chance. For the first time, it appeared in Italian narrative in the Renaissance. But the beginning of the motive of cunning goes to the oral folk story. In the urban environment, stories about resourceful townspeople laughing at a stupid knight or a voluptuous monk were very fond. Such stories vividly and expressively depicted typical events of city daily life and aroused keen interest among the townspeople. And the life of Italian cities was stormy and diverse, abundant in various events. At the end of the Middle Ages, new social groups were formed, involved in a political struggle and challenging the power of the aristocrats. At the interpersonal level, the gradual erosion of the conceptual boundaries of nobility began. A new system of ideas about the purpose and role of a man was formed. But the nobility of origin was to be opposed by any quality of a common man, which would distinguish and characterize him. That was the quality comparable to titles and ranks. Cunning turned out to be such a quality. But the conceptual content of cunning did not happen immediately. At first, there was a coarse laughter and bullying in literature. The cunning motive reached its full development in the novel of the Renaissance, when the image of a man of a new era was finally formed. Then cunning, quick-wittedness and resourcefulness came to value more than titles. So tracing the development of the motif of human cunning in medieval literature, one can understand how the man of the Renaissance was formed.*

Key words: *the literature of the Middle Ages, the urban story, Fablio, Novellino, short story, the motive of human cunning, the formation of the genre of the novel.*

References:

Alig'eri Dante. *Malye proizvedenija* [Small works]. Moscow, Science, 1968. 671 p. (In Russian).

Bokkachcho Dzh. *Dekameron* [Decameron]. Moscow, Fiction, 1970. 726 p. (In Russian).

Ivanov K.A. *Trubadury`, truvery` i minnezingery`* [Troubadours, turvers and minnesingers]. Moscow, Aleteya, 1997. 360 p. (In Russian).

Istoriya literatury` Italii [Literary history of Italy] / Ed. M.L. Andreeva, R.I. Hlodowski. Moscow, IWL RAS, 2000. 592 p. (In Russian).

Meletinskij E.M. Zametki o srednevekovyh zhanrah, preimushhestvenno povestvovatel'nyh [Notes on medieval genres, mostly narrative]. *Problema zhanra v literature Srednevekov'ja. Vypusk 1* [Problem of a genre in medieval literature. Issue 1]. Moscow, Heritage, 1994. pp. 7-26 (In Russian).

Novellino [Novellino] / Trans. with ital. M.L. Andreeva. Ed. R.I. Chlodovsky. Moscow, Science, 1984. 318 p. (In Russian).

Petrarka F. Lekarstva ot prevratnostej sud`by [Drugs for the vicissitudes of fate]. *E`stetika Renessansa: Antologiya* [Renaissance Aesthetics: An Anthology]. Moscow, Art, 1981. pp. 30-42 (In Russian).

Fablio. *Starofranczuzskie novelly* [Fablio. Old french novels] / Trans. from old French S. Vysheslavskaya and V. Dynnik. Moscow, Fiction, 1971. 344 p. (In Russian).

Battaglia S. L'esempio medioevale. *La coscenza letteraria del Medioevo*. Napoli, 1965, pp. 447-486 (In Italian).

De Sanctis F. *Storia della letteratura italiana*. Torriana, Orsa Maggiore, 1994. 734 p. (In Italian)

About the Author:

Svetlana M. Voronets – PhD in Philology, Associate Professor at Roman Languages Department of Moscow State Institute/University of International Relations (MGIMO). Her academic interests include cultural studies, intercultural communication, history and culture of Italian, and blended learning. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: svetlanissima@gmail.com.